

6. Богоявленский А. Е. Схемы паблик рилейшнз // Коммуникация в современном мире : материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Проблемы массовой коммуникации». Воронеж, 2006. С. 134–135.
7. Богоявленский А. Е. ПР-текст в системе генеалогической классификации. Воронеж, 2006. 161 с.
8. Богоявленский А. Е. Понятия «Имидж», «Репутация», «Образ» в контексте «Критики чистого разума» И. Канта // Акценты. 2004. № 5–6 (48–49). С. 57–63.
9. Богоявленский А. Е. Восходящие уровни PR // Журналистика в 2004 году. СМИ в многополярном мире. Материалы научно-практической конференции. М., МГУ. 2–5 февраля 2005 г. Ч. 2. М., 2005. С. 200–202.
10. Богоявленский А. Е. I-Медиа как постнеклассический формат публичных коммуникаций // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер., Гуманит. науки. 2017. Т. 159, кн. 3. С. 617–654.
11. Богоявленский А. Е. Всемирная паутина, информационный просьюмеризм и промоньюкейшн // 51-я международная конференция «СМИ в современном мире». Петербургские чтения. [Санкт-Петербург, 17–19 апреля 2013 г.] Тезисы выступлений. 2013 г. / под ред. В. В. Васильевой, А. А. Малышева. СПб., 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://rus.jf.spbu.ru/conference/3090/3117.html> (дата обращения: 01.09.2019).
12. Богоявленский А. Е. Инфлюенсер-медиа как постмассовый формат публичных коммуникаций // Медиаисследования-2019 / под ред. Т. А. Семилет, И. В. Фотиевой. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2019. С. 297–304.

УТОПИЯ КАК ПРОЕКТИВНАЯ ОСНОВА СОЦИАЛЬНОЙ ИНЖЕНЕРИИ: КОМУНИКАЦИОННЫЕ МОДЕЛИ РЕАЛИЗАЦИИ

И. С. Бондаренко

*Запорожский национальный университет,
ул. Жуковского, 66, 69600, Запорожье, Украина,
lstopad.iryana@gmail.com*

Рассматривается проблема взаимодействия литературной и философской (социалистической) утопии в мировой исторической практике социальной инженерии. Исследуется коммуникационная природа социальной инженерии в период сталинизма. В работе представлен анализ попыток советской власти в создании фаланстеров (модель Ш. Фурье и Л. Сабсовича).

Ключевые слова: город; коммуникационные технологии; проект; социальная инженерия; утопия; фаланстер.

UTOPIA AS A PROJECTIVE BASIS OF SOCIAL ENGINEERING: COMMUNICATION MODELS OF IMPLEMENTATION

I. S. Bondarenko

*Zaporizhzhya national University,
66, Zhukovsky Str., 69600, Zaporozhye, Ukraine*

Corresponding author: I. S. Bondarenko (lystopad.irynd@gmail.com)

The problem of the interaction of literary and philosophical (socialist) utopia in the world historical practice of social engineering is considered. The communicative nature of social engineering in the period of Stalinism is investigated. The paper presents an analysis of the attempts of the Soviet government to create phalanxes (model by Ch. Fourier and L. Sabsovich).

Keywords: city; communication technologies; project; social engineering; utopia; phalanstery.

Социальный инжиниринг как индустриальная парадигма оптимизации социально-экономических процессов и эффективная технологическая система конструирования корпоративного пространства предприятий в период между Первой и Второй мировыми войнами становится эффективным инструментом формирования современных обществ. Техники менеджмента, администрирования, инженерного дизайна, рекламной коммуникации, корпоративного патернализма, апробированные в пределах определенного промышленного объекта, в XX в. переносились в плоскость государственного строительства ряда европейских стран.

Концепт «утопия» стал существенным маркером, проективной предпосылкой и дифференциальным признаком социальной инженерии как технологической системы конструирования общественных систем. Моделирование и, главное, реализация утопий указывает на «нематериальное» содержание социальной инженерии, которая зиждется прежде всего на коммуникационных и литературных ресурсах.

В этом аспекте особый исследовательский интерес представляет работа теоретика градостроительства, сотрудника Госплана СССР Л. Сабсовича «Города будущего и организация социалистического быта» (1929). Указанный проект – яркий образец урбанистического утопизма, который репрезентирует образ идеального («обобщественного») советского города будущего. Как и любая утопия, урбанистическая модель Л. Сабсовича демонстрирует абсолютизацию умозрительной инжене-

рии образа-концепции идеального города, упрощенное, часто схематическое и, возможно, экзотическое олицетворение действительности, человеческих отношений и потребностей, эмоционализацию авторской мечты.

По мнению Ф. Джеймсона, утопия всегда находилась в поле зрения политики, а ее политический статус в разные исторические периоды был структурно неоднозначным. Исследователь отмечает, что во время холодной войны утопия стала синонимом сталинизма и обозначала социальную программу, которая пренебрегает человеческой слабостью и первородным грехом. Нам импонирует авторская попытка дифференциации конструктов «утопическая форма» и «утопическое желание» – письменного текста или жанра и своеобразного «утопического импульса» [1, с. 1], который постоянно проявляется в повседневной жизни. Ф. Джеймсон относит к утопическим импульсам политическую практику, считая, что большинство революционных движений стремились реализовать утопическое видение действительности. Продолжая идеи Э. Блоха, исследователь повествует, что утопия является более широким феноменом, нежели сумма ее отдельных текстов. Он полагает, что «утопический импульс управляет всем тем, на что ориентировано будущее в жизни и культуре; он охватывает все: от игр до запатентованных лекарств, от мифов до массовых развлечений, от иконографии до технологий, от архитектуры до эроса, от туризма до шуток и бессознательно» [1, с. 2]. Сущностной характеристикой социалистического утопизма Ф. Джеймсон называет то, что он является настоящим утопическим импульсом, поскольку возникает на почве пропаганды и выражается в многочисленных пасторалях социалистического реализма.

Урбанистическая утопия Л. Сабсовича очень точно «попадает» в методологические описания Ф. Джеймсона, особенно в контексте детализации утопической локации и времени, упорядоченности социальной структуры и быта, идеализации правовой системы. Город будущего в концепции советского ученого является удивительно обобществленной материей, в которой очень зримо проявлялось коллективное, внеличностное, «антиинтимное» начало. Впрочем, акцентируем, эта реконструктивная утопия города и быта конструировалась на идеологических принципах марксизма-ленинизма; она очень ярко, с помощью псевдонаучной формы отражала монументальные лики советской пропаганды.

Некоторые моменты утопического проекта Л. Сабсовича впечатляют «бездушием» авторской фантазии. Это касается организации быта советских граждан, жизнь которых должна была полностью предавать-

ся государственным интересам. Основным реконструктивным мотивом трансформации советского города Л. Сабсовича является разрушение «мелко-буржуазного индивидуалистского быта», который, по его мнению, «находится в резком противоречии с задачами построения социализма, с задачами создания нового человека» [2, с. 27]. Обобществленный быт социалистического города и деревни предусматривал целый комплекс мероприятий: общественное обслуживание бытовых нужд трудящихся (функционирование фабрик-кухонь, столовых, общественных прачечных и бань); общественное воспитание и обучение молодого поколения, начиная с младенчества и заканчивая «трудовым возрастом» [2, с. 29]; социальное обеспечение; «полное раскрепощение женщины от забот о домашнем хозяйстве и воспитания детей и использование ее наравне с мужчиной в качестве полного работника в общественно-обязательном труде» [2, с. 29]. Наиболее радикальные предложения Л. Сабсовича касались позиции воспитания детей. Чиновник был убежден, что задача построения социализма заключается в создании социалистических условий жизни трудящихся и «производстве нового человека» [2, с. 36]. Именно поэтому воспитание детей социалистической страны должно стать рационально организованным общественным делом. Л. Сабсович демонстрирует незаурядные таланты в выработке идей по формированию настоящих мест несвободы для советских детей – «дома ребенка», «детские городки», «школьные городки», «социалистические поселения» лиц в возрасте от 16 до 21 года.

Фактически в этом произведении описано социальное устройство реально существующих бытовых коммун или домов-коммун, которые стали архитектурным проявлением советского авангардизма и попыткой большевиков трансформировать быт пролетариата. Этот проект конструировался на утопическом материале творчества Т. Кампанеллы, Ш. Фурье, Н. Чернышевского. Последний в романе «Что делать?» (четвертый сон Веры Павловны) рисует идиллическую картину удивительного города. Жизнь этого города-сада упорядочена по принципам самодостаточной коммуны, средоточием которой является фаланстер – утопическая архитектурная модель нового социального пространства.

Фаланстер (в советских реалиях – «коммуна», «артель») – материализованная идея социалиста-утописта Ш. Фурье. Философ мечтал о создании нового архитектурного решения, в котором человек приспособивался бы к основам общежития, освобожденного от «индивидуалистского» образа жизни, прежде всего, от института семьи и домостроя. В произведении «Новый хозяйственный и социетарный мир» (1829)

философ заявляет, что он хочет создать новую общественную систему, лишенную семьи. Ш. Фурье представил социоинженерный проект развития общества, в котором количество членов фаланги, часы их работы и отдыха, схематика жилья и его размеры являлись математически обоснованными величинами. Например, он считал, что социетальный центр будущего – фаланга – должна насчитывать не более 1800 человек (погрешность в 200 человек означала бы «вырождение» коммуны и ее нерентабельность), а 300 «кухонных очагов» [3, с. 16] и 300 домохозяек заменяли бы 4–5 кухонь-фабрик (ученый даже определяет массу сахара при приготовлении общего компота или мармелада!); философ мечтал о том, что женщины будут активно использоваться для «производственного труда» [3, с. 16]. Ш. Фурье также утверждал, что новое общество сможет зафиксироваться в цивилизованном порядке благодаря пропаганде социалистических идей.

Утопические проекты будущего и нынешней реальности имеют типичные характеристики, которые последовательно и одинаково проявляются в любой исторический период, в любом регионе мира. Это дает основания для научной интерпретации утопий как разновидностей прогнозирования и социального предвидения, а следовательно, социальной инженерии. Безусловно, утопическое сырье является несколько эксклюзивным материалом в контексте конкретной общественно-политической ситуации, культурных традиций или идеологической платформы. Но в любом случае, утопия – политическая, герменевтическая, текстуальная – пытается создать строго упорядоченную, идеальную, с четко определенной системой морально-этических координат модель социальной действительности, в которой каждый компонент возникает важной деталью огромного общественного механизма.

Библиографические ссылки

1. Jameson F. Archaeologies of the Future: The Desire Called Utopia and Other Science Fictions / London. New York: Verso. 2005. 431 p. [Electronic resource]. URL : <https://libcom.org/files/fredric-jameson-archaeologies-of-the-future-the-desire-called-utopia-and-other-science-fictions.pdf> (data of access: 14.09.2019).
2. Сабсович Л. М. Города будущего и организация социалистического быта. М. : Государственное техническое издание, 1929. 64 с.
3. Фурье Ш. Избранные сочинения / под ред. А. Дворцова ; пер. с фр. и коммент. И. А. Шапиро: в 2 т. М. : Соцэкгиз, 1938–1939. Т. 2. Новый промышленный и общественный мир или изобретение метода привлекательной и естественной индустрии организованной по сериям, построенным на страстях. 1939. 466 с.